

СФЕРА И ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ В ОТНОШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ

В.А. Гончарова,

аспирантка кафедры гражданского права Юридического института
Томского государственного университета

Согласно подп. 2 п. 3 ст. 307.1 Гражданского кодекса РФ поскольку иное не установлено ГК РФ, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений, общие положения об обязательствах применяются к требованиям, связанным с применением последствий недействительности сделки. Приведенная норма, ставшая результатом крупномасштабного реформирования гражданского законодательства, как отмечается в п. 1.5 Концепции совершенствования общей части обязательственного права¹, направлена на обеспечение согласованности применения норм обязательственного права в рамках всего ГК РФ. Это важно как с точки зрения правоприменения, так и с позиции гражданско-правовой доктрины.

Предусмотренные гражданским законодательством последствия недействительности сделок можно условно разделить на общие (реституция, закрепленная п. 2 ст. 167 ГК РФ), дополнительные (требование о возмещении убытков), специальные (так называемые иные последствия недействительности сделки)². По смыслу подп. 2 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ к каждой из приведенных групп последствий недействительности надлежит применять общие положения об обязательствах, однако — вследствие разной правовой природы этих групп — в неодинаковой последовательности и с учетом их специфики.

Наибольшее количество вопросов в доктрине гражданского права вызывает прежде всего порядок применения общих положений об обязательствах к реституционной правовой связи как общему последствию недействительности сделки, что связано с неоднозначным подходом к определению ее правовой природы и места в системе способов защиты гражданских прав. Анализ современной цивилистической литературы свидетельствует о сформированности двух основных позиций относительно юридического существа реституционного требования³.

¹ Концепция реформирования общей части обязательственного права. М. 2018 (URL: <http://privlaw.ru/soviet-po-kodifikacii-conceptions/>). Дата обращения — 5 июля 2018 г.

² См. подробнее: *Титов Н.Д.* Последствия недействительности сделок. Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сборник статей. Ч. 68. Под ред. В.М. Лебедева, Г.Л. Осокиной, С.К. Соломина, Г.Г. Пашковой. Томск, 2016. С. 37—40. Как показывает анализ действующего законодательства, круг специальных последствий недействительности сделок представлен разнородными правовыми механизмами, обеспечивающими защиту прав и охраняемых законом интересов участников гражданских правоотношений, а потому выработка некой единой схемы применения к ним общих положений об обязательствах невозможна. В связи с этим в рамках данной статьи внимание будет уделено лишь первым двум последствиям недействительности сделок, где подобная алгоритмизация уместна исходя из их правовой природы и внутренней однородности.

³ В настоящей статье поддерживается и не подвергается сомнению тезис об обязательственной природе реституции с учетом соответствия структуры прав и обязанностей в рамках реституционного правоотношения структуре обязательства (см.: *Тузова Д.О.* Реституция и реституционные правоотношения в гражданском праве России. Цивилистические исследования. Вып. 1. Сборник научных трудов памяти профессора И.В. Федорова. Под ред. Б.Л. Хаскельберга. Д.О. Тузова. М., 2004. С. 226). Важно при этом обратить внимание на терминологическую четкость: реституция выступает способом защиты прав участников недействительной сделки, а в то время как реституционное обязательство представляет собой правовое оформление указанного способа защиты в виде традиционной для гражданского права обязательственной связи.

Согласно *первой* точке зрения, реституция выступает самостоятельным охранительно-восстановительным механизмом, который нельзя определить в качестве частного случая кондикции и (или) виндикации⁴. Подобной позиции придерживается Д.В. Новак⁵, по мнению которого, несмотря на общий защитный вектор кондикции, правила главы 60 ГК РФ применяются субсидиарно при наличии специального регулирования спорной ситуации обогащения. Представляется, что именно эта позиция воспринята в анализируемой норме, разделившей правила применения общих положений об обязательствах к кондикции в целом (п. 2 ст. 307.1 ГК РФ) и реституции как последствию недействительности сделок в частности (подп. 2 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ).

Приведенный взгляд, однако, внутренне противоречив: с одной стороны, Д.В. Новак обращает внимание на общий характер норм главы 60 ГК РФ для всех гражданско-правовых споров, связанных с неосновательным перемещением имущества, а с другой — делая итоговый вывод, указывает уже на субсидиарность применения норм о кондикции к отношениям, в том числе связанным с применением реституции.

Вместе с тем в юридической литературе обоснованно отмечается, что внутриотраслевое субсидиарное применение как применение норм смежных институтов гражданского права имеет в качестве своего фундаментального основания не всякую отсылочную норму в нормативно-правовом акте (в случае соотношения кондикции и реституции — абз. 2 ст. 1103 ГК РФ): «Наличие родовидового отношения между основными и применяемыми дополнительными нормами препятствует квалификации такого применения как субсидиарного»⁶. Квалификация реституции как института, требующего субсидиарного применения норм о неосновательном обогащении, в изложении Д.В. Новака, таким образом, с формальной точки зрения препятствует ее определению как одного из проявлений кондикции, а следовательно, предполагает автономию и самостоятельность реституционного обязательства.

На уровне судебной практики, однако, получил распространение именно такой, весьма противоречивый подход к правовой природе реституции. В одних случаях суды указывают на то, что реституция является самостоятельным гражданско-правовым институтом, отличным по своей правовой сущности от института взыскания неосновательного обогащения, обладающим рядом особенностей (публичный характер, взаимный (двусторонний) характер, наличие некоторых черт обязательства, посессорность и др.)⁷. Отмечается, что исходя из смысла п. 1 ст. 1103 ГК РФ правила, предусмотренные главой 60 ГК РФ, применимы лишь к требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке, что не позволяет отождествлять понятия исполненного по недействительной сделке и неосновательного обогащения⁸.

В других случаях суды полагают возможным применение правил главы 60 ГК РФ в субсидиарном порядке исключительно в случаях, когда полученные ответчиком денежные средства явно превышают стоимость переданного по недействительной сделке, что в целом следует отнести к неосновательному обогащению, полученному в результате исполнения ничтожной сделки⁹.

В третьей группе дел, связанных с применением последствий недействительности, отмечается в целом субсидиарность применения положений главы 60 ГК РФ: ее нормы

⁴ См. об этом, напр.: Груздев В.В. Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. Кн. 2: Отдельные аспекты защиты. М., 2014 (опубликовано в СПС «Гарант»).

⁵ Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве (сравнительно-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

⁶ Бакин А.С. Субсидиарность в гражданском праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015. С. 9.

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 16 сентября 2014 г. по делу № 310-ЭС14-79, А09-9146/2013.

⁸ См. постановления: Девятого арбитражного апелляционного суда от 5 декабря 2014 г. № 09АП-49983/2014-ГК по делу № А40-99535/2014; Девятого арбитражного апелляционного суда от 3 декабря 2014 г. № 09АП-45977/2014-ГК по делу № А40-89764/2014-31-783; Арбитражного суда Московского округа от 24 октября 2016 г. по делу № А41-14702/2015.

⁹ См. постановления: Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» (п. 55); ФАС Волго-Вятского округа от 16 августа 2012 г. по делу № А28-11437/2011.

действуют наряду со специальными правилами ст. 167 ГК РФ вне зависимости от наличия явного несоответствия стоимости переданного имущества¹⁰.

Согласно *второй* позиции, реституция представляет собой не способ защиты, требующий *субсидиарного* применения норм о неосновательном обогащении, а охранительно-восстановительный механизм, выступающий формой собственно кондикционного¹¹ и (или) виндикационного обязательства. Так, по мнению Д.О. Тузова, следует выделять две формы реституционной правовой связи: реституцию владения (как осуществление виндикационного или в ряде случаев посессорного притязания), требующую доказательства титула на возвращаемую вещь, и компенсационную реституцию (как осуществление кондикционного притязания или притязания о возмещении убытков при невозможности возврата переданного имущества в натуре)¹². Несколько отличающуюся от изложенной позицию занимают, в частности, В.С. Ем и Н.Г. Соломина, по мнению которых, реституция представляет собой разновидность исключительно обязательства из неосновательного обогащения¹³.

Признавая достоинства первой позиции как теоретически и практически обоснованной, мы, однако, присоединяемся к сторонникам второго взгляда, и на то есть ряд причин

Не вызывает сомнений, что недействительная сделка как сделка, не влекущая иных последствий, кроме последствий, связанных собственно с ее недействительностью, выступает частным случаем отсутствия правового основания перемещения имущества, а соответственно, может квалифицироваться как акт неосновательного обогащения сторон недействительной сделки, что предопределяет бесспорное рассмотрение реституции в форме взыскания денежных средств в качестве разновидности кондикционного притязания. Доводы противников подобного взгляда, сторонников мнения о якобы особой природе реституции, позволяющей квалифицировать ее в качестве самостоятельного способа защиты в данном аспекте, не выдерживают критики.

Возвращение в порядке реституции индивидуально-определенного имущества, а не родовых вещей или денежных средств, однако, не влияет на иную квалификацию реституционного требования: основной аргумент сторонников виндикационной природы реституции владения о необходимости наличия у стороны недействительной сделки титула на возвращаемое имущество, думается, идет вразрез с характером производства по недействительной сделке, не соответствует ее экономической природе.

С точки зрения экономики права — науки, позволяющей учитывать конечные цели, результаты правовых норм и обращающей внимание на их возможное негативное действие на товарооборот, — любой акт товарообмена представляет собой средство удержания людей от оппортунистического (иначе — эгоистического) поведения по отношению к своим партнерам. Такие акты-сделки, и в частности договоры, с позиций рыночной экономики должны подлежать правовой защите только в том случае, если способствуют повышению общественной эффективности¹⁴, т. е. имеют в качестве сторон рационально действующих и достаточно проинформированных, равноправных

¹⁰ См. постановления: ФАС Волго-Вятского округа от 22 марта 2017 г. по делу № А43-11548/2016; ФАС Волго-Вятского округа от 9 сентября 2016 г. по делу № А38-5621/2015; ФАС Северо-Западного округа от 13 апреля 2018 г. по делу № А56-5184/2017.

¹¹ Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). М., 2007. С. 193; Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951. С. 219.

¹² См. об этом: Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007; Он же. Реституция в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999.

¹³ Ем В.С. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в современном российском гражданском праве // Законодательство. 1999. № 7 (опубликовано в СПС «Гарант»); Соломина Н.Г. Обязательство из неосновательного обогащения: понятие, виды, механизм возмещения // СПС «Гарант».

¹⁴ Понятие общественной эффективности было введено Вильфредо Парето. Обзор позиции применительно к правовым явлениям см.: Одинцова М.И. Экономика права: Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М., 2016. С. 109.

субъектов, а также не наносят вреда благосостоянию третьих лиц¹⁵. Сделки, не соответствующие критериям общественной эффективности, таким образом, не могут производить никакого эффекта и признаваться правом как надлежащие акты передачи имущества.

В этом смысле предусмотренные действующим гражданским законодательством последствия недействительности сделок не являются в большинстве случаев субъективным выбором законодателя, а диктуются экономическим укладом, базовым для правового регулирования частных отношений, необходимостью устранения последствий совершенных вопреки порочных волеизъявлений, основанных на недействительных сделках. Последние опасны для гражданского оборота, поскольку вносят в структуру его имущественных связей неопределенность, тем самым дестабилизируя его. Закономерно то, что характер самого производства по делу о недействительности сделки, фундаментальной задачей которого становится разрешение правовой неопределенности в динамике гражданских правоотношений и принадлежности имущества, состоит в восстановлении публичного порядка, нарушенного недействительной сделкой, но не в определении истинного собственника переданной в рамках сделки спорной вещи. Недействительность сделки влечет необходимость устранения всех внешне проявляющихся и уже проявившихся последствий совершенной сделки с дефектом в части воли, волеизъявления, формы, содержания и субъектного состава, что обуславливает единственно возможное закономерное понимание способа такой нейтрализации — реституционного обязательства, кондикционного по природе.

В определенном смысле прав Д.О. Тузов, указывавший, в частности, что «при отстаиваемом... ограничении реституции речь идет лишь о том, что, если нет указанных выше предпосылок для посессорной защиты и доказано отсутствие у истца прав на истребуемое имущество, в реституции должно быть отказано. При противоположном подходе воспользоваться реституцией мог бы, теоретически, даже вор, продавший краденое, а затем потребовавший его обратно на основании п. 2 ст. 167 ГК»¹⁶.

Вместе с тем для восстановления нарушенного имущественного права законом предусмотрены строго определенные способы защиты. Задачей же производства, связанного с недействительностью сделок, исходя из буквальной формулировки закона является применение последствий недействительности, а единственным таким закономерным последствием выступает как раз полное устранение совершенных актов перераспределения имущества, без выяснения вопросов надлежащего титула на него. Объектом защиты в случае такой характеристики реституции выступают имущественные сферы конкретных лиц, пострадавшие от неопределенности, порожденной недействительной сделкой, а также публичный порядок, требующий аннулирования имущественных перемещений, совершенных на основе порочных актов товарообмена.

Соглашаясь с существующим в литературе мнением о квалификации реституции в качестве обязательства из неосновательного обогащения, представляется возможным определить сферу действия общих положений об обязательствах в отношении реституционного обязательства. Согласно п. 2, 3 ст. 307.1 ГК РФ вопросы исполнения реституционной правовой связи определяются первоначально специальной посвященной ей нормой ст. 167 ГК РФ (что следует из традиционного правила о соотношении общих и специальных норм), затем родовыми к реституционному обязательству нормами главы 60 ГК РФ и лишь затем — общеродовыми положениями об обязательствах, предусмотренными разделом III части первой ГК РФ. Подобный подход, хотя и идет вразрез

¹⁵ Общественная эффективность сделок как фактор, предопределяющий их правовую защиту, активно исследуется с тех или иных позиций учеными — представителями англо-американской правовой системы. См. об этом: Лазнер Р. Экономический анализ права: В 2 т. / Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб., 2004. Т. 1; Kovacs M. Comparative Contract Law and Economics. Edward Elgar Publishing, Inc., 2011; Macneil I. R. Law and Economics for Civil Law Systems. Edward Elgar Publishing, Inc., 2013. Экономика права на уровне российской науки на сегодняшний день представлена единственной фундаментальной работой А.Г. Карапетова (Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016).

¹⁶ Тузов Д.О. Указ. соч.

с буквальной формулировкой ст. 307.1 ГК РФ, полностью соответствует правовой природе реституции и необходимости ее применения на основе сначала специальных, затем общих и лишь в последнем случае — общеотраслевых правил об обязательствах как модели, более широкой по отношению к реституции и кондикции соответственно. Подпункт 2 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ в связи с этим определяет лишь правила применения и сферу действия общих положений об обязательствах к иным, помимо реституции, последствиям недействительности сделок (возмещению убытков, в частности)¹⁷.

Последнее утверждение представляется особо важным в свете критических замечаний в адрес п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, высказываемых некоторыми авторами. Так, по мнению С.К. Соломина, в силу обязательственной природы реституционной правовой связи, а также возможности ее определения как частного случая кондикционного обязательства «усматривать какие-либо принципиальные отличия в правовой регламентации последствий недействительности сделок не требуется»¹⁸. Вместе с тем, как уже было отмечено, совокупность последствий недействительности сделки не ограничивается случаями возврата полученного (иначе — реституции), допустимо требование о возмещении убытков, применение которого как раз подпадает под сферу регулирования п. 3 ст. 307.1 ГК РФ.

Нельзя не обратить внимание и на другой упрек автора в отношении редакции анализируемой нормы — на некорректность использования выражения «если иное не вытекает из существа соответствующих отношений» в отношении кондикционного (п. 2 ст. 307.1 ГК РФ) и реституционного (п. 3 ст. 307.1 ГК РФ) требований, которое свидетельствует, по мнению автора, об иной, помимо гражданско-правовой, природе данных притязаний, о субсидиарном применении общих положений об обязательствах, что недопустимо. Думается, однако, что подобную законодательную формулировку приравнивания¹⁹ следует толковать лишь в значении указания на особенность самих ситуаций неосновательного обогащения в целом и недействительной сделки, сопряженной с исполнением, в частности — в сравнении с ситуацией регулятивного обязательства, а потому ее следует считать вполне уместной²⁰.

Нельзя не учитывать, однако, и вторую, вытекающую как из экономического подхода, так и из норм позитивного права, важнейшую характеристику реституции — ее комплексную правовую охранительно-защитную²¹ природу. Так, с одной стороны, она выступает частноправовым способом защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки (ее сторон, а также — по смыслу ст. 166 ГК РФ — иных и третьих по отношению к сделке лиц, в имущественные сферы которых такая сделка может вносить неопределенность), опосредует возвращение сторонам

¹⁷ Подобная позиция уже была отражена в литературе (см.: *Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права»* / Под ред. Л.В. Санниковой. М., 2016). Вместе с тем ее сторонники не придерживаются мнения о квалификации реституционной правовой связи как обязательственного правоотношения, их довод о подобной очередности применения правовых норм основан исключительно на буквальной трактовке положения ст. 1103 ГК РФ, предполагающей возможность применения норм главы 60 ГК РФ к требованиям о возврате полученного по недействительной сделке.

¹⁸ Соломин С.К. Новеллы обязательственного права: постановка некоторых проблемных вопросов // Закон. 2015. № 9 (опубликовано в СПС «Гарант»).

¹⁹ Явление приравнивания с технико-юридических позиций было активно и основательно исследовано В.В. Ровным (см.: *Ровный В.В. Прием приравнивания в частном праве: понятие и особенности реализации*. Монография. Иркутск, 2014), который под ним понимал особый прием, всегда объединяющий несколько (два и более) явлений, близких (сходных) между собой или по крайней мере таких, различие между которыми в конкретном случае irrelevantно для правового регулирования.

²⁰ На это обращалось внимание в литературе (см.: *Договорное и обязательственное право (Общая часть): постатейный комментарий к статьям 307—453 ГК РФ*. Отв. ред. А.Г. Каралетов. М., 2017; *Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права»* / Под ред. Л.В. Санниковой. М., 2016).

²¹ Характеристика реституции, предполагающая ее рассмотрение сквозь призму понятий охраны и защиты, соответствует традиционному для отечественной доктрины гражданского права рассмотрению данных понятий (см. об этом: *Мурашко М.С. Судебная защита субъективных гражданских прав*. Автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб., 2000).

недействительной сделки имущества, утраченного ими без правового основания. С другой стороны, реституция составляет и публично-правовой механизм, связанный с «принудительным нивелированием и искоренением любых правовых последствий, которые стороны желали создать недействительной сделкой»²², изъятием из гражданского оборота дефектного перемещения благ, восстановления прежнего, предсделочного положения.

Квалификация реституции как комплексного правового охранительно-защитного механизма, преследующего цели восстановления как публичной, так и частной сфер общественных отношений, имеет важное теоретическое и прикладное значение. Общие положения об обязательствах, предусмотренные подразделом 1 раздела III ГК РФ, ориентированы на регламентацию прежде всего обязательств в рамках нормальной динамики правоотношения, иными словами — на регламентацию гражданских отношений по регулятивной модели. В связи с этим закономерно возникновение вопросов о **пределах** (иначе — о допустимости) применения к последствиям недействительности сделок некоторых общих положений об обязательствах, касающихся их исполнения и обеспечения исполнения, перемены лиц, а также их прекращения.

Исполнение двусторонней реституции как основного последствия недействительности сделки состоит в возврате имущества, полученного по ничтожной и оспоренной сделке, его первоначальному владельцу. Важно отметить, как справедливо указывается в литературе²³, что двусторонняя реституционная правовая связь представляет собой не совокупность двух взаимных и встречных требований, а два различных, хотя и возникающих между одними и теми же лицами, обязательства. Соответственно к каждому из последних подлежат применению правила об исполнении обязательства, за исключением правил об особенностях исполнения встречных обязательств (ст. 328 ГК РФ), что закономерно следует из их понимания как изолированных друг от друга правовых связей, а значит, отрицает наличие встречности в исполнении.

При этом нет оснований сомневаться в обоснованности отечественной модели принудительной двусторонней реституции, якобы предполагающей отступление от принципа диспозитивности гражданско-правового регулирования, на который иногда обращается внимание в литературе²⁴. Обратный обмен переданным по недействительной сделке имуществом в рамках двусторонней реституции, даже по заявлению лишь одной из сторон сделки, устраняет из оборота обремененное пороками перемещение имущества, означает полную нейтрализацию его «следов» в рамках действительных гражданско-правовых связей, служит своего рода публично-правовой мерой защиты прав и охраняемых законом интересов²⁵, возможно, не столько сторон недействительной сделки, сколько третьих по отношению к ней лиц и гражданского оборота в целом.

Гражданским законодательством не исключена при этом возможность придания исполнению реституции формы договорных правоотношений, хотя подобное правовое решение вследствие отмеченной публично-правовой характеристики реституции и недопустимости ее рассмотрения сквозь призму обязательства подвергается критике в литературе²⁶. Данный вывод представляется недостаточно обоснованным: общие диспозитивные начала гражданского права допускают для сторон недействительной сделки

²² Синицын С.А. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблемы классификации // Юрист. 2015. № 19. С. 32—39.

²³ См. об этом: Соломина Н.Г. Указ. соч.

²⁴ Такая характеристика реституции отмечается как в актах судебной практики (п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ»), так и в теории гражданского права (см. об этом: Моргунов С.В. Винадикация в гражданском праве. Теория. Проблемы. Практика. М., 2006).

²⁵ Это уже отмечалось в литературе, однако при этом не совсем обоснованно реституцию отказывались квалифицировать в качестве способа защиты гражданских прав (см., напр.: Синицын С.А. Указ. соч.).

²⁶ Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). М., 2015.

возможность регламентировать порядок реституционных предоставлений, однако лишь до тех пор, пока такие предоставления определяются как реституционные по существу. Недопустимым исходя из экономической природы недействительной сделки и объективно возможных правовых средств ее нейтрализации является предоставление сторонам — субъектам предпринимательской деятельности права предусмотреть иные, помимо реституции, последствия совершенной недействительной сделки (п. 3 ст. 431.1 ГК РФ). Наделение субъектов гражданского права такой возможностью приведет в конечном итоге к фактическому сохранению за такой сделкой качества действительности, способности порождать конкретные права и обязанности и даже не исполнять судебный акт, принятый публично-правовым органом после признания сделки недействительной. Все это, безусловно, противоречит принципу обязательности судебных постановлений (ст. 13 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 16 Арбитражного процессуального кодекса РФ).

Придание реституции качества необходимой двусторонности и определения обязательства как формы ее выражения закономерно ставит вопрос об **обеспечении исполнения реституционных обязательств**, в литературе традиционно рассматриваемый сквозь призму процессуальных действий и мер в рамках исполнительного производства²⁷, способствующих сохранению баланса в обмене имуществом, полученным по недействительной сделке. Как часто отмечается на страницах юридической печати²⁸, недобросовестные действия участников гражданского оборота, утрата потребительской стоимости имущества, иные обстоятельства иногда создают ситуацию, при которой в рамках реституционной двусторонней связи становится возможной лишь одна из двух обратных передач имущества, вторая же по тем или иным причинам затруднена, что ведет к дисбалансу прав сторон недействительной сделки.

Думается, что в данном аспекте, исходя из возможности применения общих положений об обязательствах к реституционным требованиям, следует рассмотреть процедуру обеспечения исполнения реституционного обязательства в двух аспектах: публичном (обеспечение на стадии гражданского и арбитражного процесса и исполнительного производства, что составляет предмет исследования науки гражданского процесса) и частном (обеспечение за счет традиционных обеспечительных конструкций, предусмотренных п. 1 ст. 329 ГК РФ в рамках соглашений о порядке исполнения последствий недействительности сделки).

Возможность обеспечивать исполнение обязательств из двусторонней реституции способами, предусмотренными главой 23 ГК РФ, признается в судебной практике²⁹, однако нуждается в определенных пояснениях. Переданное по недействительной сделке имущество составляет при определении факта недействительности неосновательное обогащение лица — стороны сделки, его получившей, следовательно, именно оно или (в случае передачи родовых вещей) его материальный эквивалент и должны быть возвращены в порядке реституции. При невозможности его возврата вместо такого имущества предоставляется денежное возмещение в порядке ст. 167 ГК РФ, вследствие чего нет необходимости в использовании обеспечительных конструкций. Что касается случая компенсационной реституции, то здесь, думается, стороны соглашения об исполнении реституции вправе предусмотреть, например, залог или поручительство. Универсальным способом обеспечения как для реституции владения, так и для компенсационной реституции можно считать неустойку³⁰.

²⁷ См. об этом: Комашко М.С. Реституция как способ защиты права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. Она же: Надлежащее исполнение судебного решения о двусторонней реституции // Хозяйство и право. 2009. № 12. С. 58—62.

²⁸ Мосечкин И.Н., Махнев А.В. Проблематика и способы исполнения обязательства по правилам двусторонней реституции // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 25—28.

²⁹ См. об этом: постановление Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // П. 15.

³⁰ См. об этом: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» // П. 64.

Наибольшее внимание следует уделить возможности **перемены лиц в реституционных обязательствах**. Судебная практика³¹ в основном исходит из признания возможности уступки прав требования в рамках реституционного обязательства, а в литературе допускается также перевод долга в рамках реституционного обязательства, что вызывает возражения как сущностного, так и логического характера.

Исходя из экономической природы недействительной сделки и, как следствие, квалификации реституционных обязательств — ее последствий как разновидности обязательств из неосновательного обогащения, единственно возможным вариантом развития реституционной правовой связи является возврат имущества только тем лицом, кто его неосновательно получил, тому, кто его неосновательно лишился, поскольку лишь в этом случае дестабилизирующие последствия недействительной сделки как порочного акта товарообмена будут нивелированы и для сторон, и для иных участников оборота. Обратный обмен имущества возможен исключительно в рамках отношений между исполнившими сделку сторонами, без вовлечения в ее орбиту третьих лиц, т. е. замен на кредиторской и должниковой сторонах.

С точки зрения формальной логики при допущении перемены лиц в рамках реституционных обязательств закономерным является возникновение вопросов, связанных с принадлежностью полученного цессионарием имущества — предмета реституции. Реализуя свое приобретенное право, цессионарий, получающий по нему имущество в порядке реституции, будет являться, подобно стороне, от которой он получил это имущество, неосновательным его приобретателем, обязанным к возврату имущества стороне, его передавшей по недействительной сделке, что ставит под сомнение целесообразность признаваемой практикой и теорией конструкции уступки права реституционного требования. Перевод долга в рамках реституционного обязательства также порождает не решенную на уровне теории проблему, когда лицо, не участвовавшее в неосновательной передаче имущества, обязывается к возвращению того, чем не располагает по определению — денежной суммой, полученной первым должником по недействительной сделке, или, что сложнее, — индивидуально-определенным имуществом, подлежащим возврату по реституции.

В отношении требования о возмещении убытков по недействительной сделке данный вопрос решается иначе: природа данного требования как исключительно денежного, не связанного с неосновательным перемещением благ, не препятствует возможности перемены лиц в обязательстве, предполагающем право на взыскание убытков, а также возможность обеспечения его исполнения.

Комплексная охранительно-защитная природа реституции делает недопустимым прекращение реституционного обязательства по конкретным, предусмотренным главой 26 ГК РФ основаниям, таким как предоставление отступного, зачет, что, однако, допускается на практике³².

Можно отметить в заключение, что решать вопросы о сфере и пределах действия общих положений об обязательствах в отношении требований о применении последствий недействительности сделок следует с опорой на определение их охранительно-восстановительной правовой природы. Приведенный в настоящей статье обзор существующих проблем применения общих положений об обязательствах к требованиям о применении последствий недействительности сделки не претендует на исключительность и полноту рассмотрения вопросов, связанных с соотношением норм главы 60 и раздела III части первой ГК РФ, часть которых требует самостоятельных основательных исследований.

³¹ См. об этом: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», П. 13.

³² См. об этом: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21 декабря 2005 г. № 102 «Обзор практики применения арбитражными судами ст. 409 ГК РФ», П. 6.

Частное (гражданское) право

Обязательственное право

Ключевые слова

обязательства; последствия недействительности сделок; реституция; возмещение убытков; реформа гражданского законодательства

Список литературы

1. Бакин А.С. Субсидиарность в гражданском праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / Под ред. Л.В. Санниковой. М., 2016.
3. Груздев В.В. Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. Кн. 2: Отдельные аспекты защиты. М., 2014 (опубликовано в СПС «Гарант»)
4. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). М., 2007.
5. Ем В.С. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в современном российском гражданском праве // Законодательство. 1999. № 7 (опубликовано в СПС «Гарант»).
6. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016.
7. Комашко М.С. Надлежащее исполнение судебного решения о двусторонней реституции // Хозяйство и право. 2009. №12.
8. Комашко М.С. Реституция как способ защиты права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
9. Концепция реформирования общей части обязательственного права. М., 2018 (URL: <http://privlaw.ru/soveto-kodifikacii/conceptions/> (дата обращения — 5 июля 2018 г.)).
10. Моргунов С.В. Виндикация в гражданском праве. Теория. Проблемы. Практика. М., 2006.
11. Мосечкин И.Н., Махнев А.В. Проблематика и способы исполнения обязательства по правилам двусторонней реституции // Российская юстиция. 2018. № 3.
12. Мурашко М.С. Судебная защита субъективных гражданских прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.
13. Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве (сравнительно-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
14. Одинцова М.И. Экономика права: Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М., 2016.
15. Познер Р. Экономический анализ права: В 2 т. / Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб., 2004. Т. 1.
16. Ровный В.В. Прием приравнивания в частном праве (понятие и особенности реализации): Монография. Иркутск, 2014.
17. Синицын С.А. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблемы классификации // Юрист. 2015. № 19.
18. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). М., 2015.
19. Соломин С.К. Новеллы обязательственного права: постановка некоторых проблемных вопросов // Закон. 2015. № 9 (опубликовано в СПС «Гарант»).
20. Соломина Н.Г. Обязательство из неосновательного обогащения: понятие, виды, механизм возмещения // СПС «Гарант».
21. Титов Н.Д. Последствия недействительности сделок // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сборник статей. Ч. 68 / Под ред. В.М. Лебедева, Г.Л. Осокиной, С.К. Соломина, Г.Г. Пашковой. Томск, 2016.
22. Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999.
23. Тузов Д.О. Реституция и реституционные правоотношения в гражданском праве России // Цивилистические исследования. Вып. 1: Сборник научных трудов памяти профессора И.В. Федорова / Под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. М., 2004.
24. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007.
25. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951.
26. Kovac M. Comparative Contract Law and Economics. Edward Elgar Publishing, Inc. 2011.
27. Maccaay E. Law and Economics for Civil Law Systems. Edward Elgar Publishing, Inc. 2013.